

— Иди, иди, давай, — Папа подтолкнул его в сторону переулка, по которому они пришли. — Когда мы проходили мимо, я видел забегаловку с лапшой по-сычуаньски...

Эта лапша оказалась вполне приличной: порции огромные, мяса не пожалели — выложили целую гору аппетитных ломтиков, от одного вида которых разыгрывался зверский аппетит.

— Целая миска всего за 15 юаней, — заметил Папа.

— Угу, — Янь Хан кивнул, не отрываясь от еды. — Давай сначала поедим, а потом вернемся к трауру по твоей тысяче.

— Хорошо. — Папа опустил голову и принялся уплетать лапшу за обе щеки.

Когда он почти закончил, он вдруг снова поднял взгляд:

— Хан.

— А? — отозвался Янь Хан.

— Не хочешь пойти поучиться? — спросил Папа. — Мне это место кажется неплохим, возможно, задержимся здесь подольше.

— Нет. — Янь Хан ответил быстро и без колебаний.

— Ну, тогда не надо, — так же решительно отрезал Папа. — Просто смотрю, ты дома вечно с книгами, вот я и подумал, вдруг у тебя появилось желание в школу пойти? Да и с людьми бы пообщался.

— Это разные вещи. Я и на подработке с людьми общаюсь, — сказал Янь Хан. — Да и вообще, я никогда не хотел учиться. Даже в начальную школу идти не хотел.

— Точно, ты ведь еще заставлял меня идти и спрашивать, можно ли тебя отчислить, — Папа рассмеялся. — А меня тогда ваша учительница Люй знатно отчитала.

Янь Хан усмехнулся.

Учительница Люй была единственной из его педагогов, кого он еще помнил — невероятно добрая и мягкая старушка. В последний раз он видел её на выпускном в начальной школе.

Тогда она прямолинейно выразила свое недовольство его отцом.

— Такой замечательный ребенок, — говорила она. — Боюсь, как бы папаша его совсем не испортил.

Вернувшись домой, они пробыли там недолго, и Папа снова куда-то ушел, не сказав ни слова.

Янь Хан и не спрашивал. Столько лет он никогда не задавал вопросов о том, зачем отец исчезает и появляется без всякого графика.

В конце концов, он всегда возвращался.

Янь Хан привык.

Отец дарил ему чувство огромной безопасности, но в то же время всегда приносил с собой

глубокую тревогу.

Он привел в порядок вещи в своей комнате. Раз уж есть шанс задержаться здесь надолго, нужно было всё разложить по местам.

Вещей у него было немного: чемодан с одеждой да сумка, набитая всякими мелочами.

У отца вещей было еще меньше — пара смен одежды в вещмешке, и это всё. Иногда Янь Хану казалось, что вся жизнь отца — это одно бесконечное путешествие, причем исключительно короткие перебежки.

Он не смог бы сосчитать, в скольких местах они побывали, сколько сменили съемных квартир. Иногда даже жилье не снимали, перебиваясь по отелям, а иногда возвращались в старые места по нескольку раз.

— Я хочу вернуться в старые места, — Янь Хан повалился на кровать и вытащил телефон. — Я хочу пройти по старым дорогам...

В Вэйбо висела куча личных сообщений. Янь Хан бегло просмотрел их, не найдя ничего интересного. Он привычным жестом ответил «нет» на вопрос, будет ли сегодня стрим, отшвырнул телефон в сторону и надел наушники.

В последнее время мучила бессонница. Сонливость накатывала только днем, да и ту отец разгонял одним движением руки.

Янь Хан лежал в наушниках, уставившись в потолок. Пытаясь себя усыпить, он слушал звуки дождя, шелест ветра в бамбуковых листьях, нежную гитарную музыку... Но даже когда от долгого лежания затекла спина, это не помогло.

В конце концов он встал, переоделся в спортивное и вышел на улицу.

Было уже около трех часов ночи. На улицах пусто, лишь под одинокими фонарями изредка с шорохом проносились машины.

В конце пути начинался центр города — в часы пик его неоновые огни окрашивали ночное небо в багровый цвет.

А там, где он находился сейчас, — в районе, который есть во многих городах: за фасадом процветания всегда скрывалась обшарпанная изнанка, словно другой мир, а точнее — тень того, другого мира.

Янь Хан поправил наушники, включил бодрящий плейлист для бега, глубоко вдохнул и побежал.

Он любил бегать. Это был лучший способ убить время и разогнать скуку.

Он пробежал от их старого жилого квартала до 82-й средней школы, нарезал несколько кругов вокруг неё, а затем выскочил на главную улицу. Пробегая мимо японского ресторана, где они ели днем, он сделал лишний крюк — в знак памяти.

Обежав окрестности и хорошенько пропотев под холодным северным ветром, он вернулся домой.

Приняв душ, он порылся в сумке, выудил пару таблеток, проглотил их и рухнул на кровать.

Усталость наконец-то принесла с собой желанную дремоту.

Вместе с действием лекарства он проспал до самого полудня.

Посидев на краю кровати минут пять, он наконец осознал, что наступил день.

Голова от долгого сна была тяжелой, аппетита не было. Янь Хан решил пропустить обед, нащупал учебник английского, который принес отец, и устроился на подоконнике.

Весь оставшийся день он так и провел там, переключаясь между книгой и телефоном, прочитав десяток страниц и посмотрев какой-то невыносимо скучный развлекательный телешоу.

Время подходило. Янь Хан повертел в руках телефон. Если бы не тот паренек, он бы выходил в эфир только от невыносимой тоски, но сейчас, помимо горстки таких же скучающих фанатов, в нем проснулось любопытство к этому ребенку.

Даст ли он отпор?

До какой черты его нужно довести, чтобы он начал защищаться?

Янь Хан поудобнее устроился на подоконнике, прислонившись к раме, и включил трансляцию.

Многие подписчики уже ждали в нетерпении. Он молча навел камеру на улицу, и вскоре в комментариях началось обсуждение.

Почему так происходит? Почему никто не вмешивается? Янь Хан вздохнул.

Да откуда столько «почему»? Он уже давно перестал задавать этот вопрос.

Через несколько минут в кадре появился главный герой дня — впервые за эти дни.

Его толкали в спину.

С подоконника улица просматривалась метров на сто. Что творилось на подходе к школе, было неясно, но этот стометровый участок был последним отрезком пути перед тем, как эта банда разбредалась по домам. Обычно здесь всё достигало кульминации, как перед финалом спектакля.

Мальчик споткнулся и оглянулся.

Возможно, это было просто бессознательное движение, но за все эти дни это был первый жест, который хоть отдаленно напоминал сопротивление.

Следом показались несколько парней. Один из них с размаху пнул его под поясницу.

Янь Хан цокнул языком.

Удар был сильным.

Затем другой парень пнул его по ноге.

Судя по всему, они собирались идти так всю дорогу, по очереди охаживая его пинками.

Торговцы закусками на обочине не выдержали — двое из них что-то крикнули вдогонку.

Но толку было мало: парни лишь огрызнулись в ответ.

Наблюдая за этим уже несколько дней, Янь Хан кое-что понял: этот ребенок не сопротивляется. Не зная, может, это и ошибка, но он выглядел слишком спокойным. Будто отгородился от всего мира, ничего не слышит, не видит и ничего не чувствует.

Но для этой компании такая реакция была самой раздражающей. По опыту Янь Хана, они не успокоятся, пока не выбьют из него хоть какую-то реакцию.

Когда они поравнялись с домом, один из парней выудил из рюкзака стеклянный стакан и с размаху запустил им в плечо своей жертвы.

Толстое стекло с сухим треском разлетелось вдребезги.

— Сегодня что-то переборщили, — бросил Янь Хан и, оттолкнувшись, спрыгнул с подоконника.

— Братец Сяотянь решил вмешаться?

— Будь осторожен! Может, в полицию позвонить?

Сообщения в чате мелькали одно за другим. Янь Хан пошарил в карманах: только медицинская маска, даже ключей нет.

— Не знаю, — сказал он. — Смотреть тошно, беспредел какой-то.

Перейдя улицу, Янь Хан впервые за эти дни четко разглядел лицо паренька.

И это был не обман зрения: выражение лица действительно было спокойным.

Настолько спокойным, что это казалось естественным.

И пугающим. Трудно сказать, вызывало это жалость или что-то еще — в конце концов, у Янь Хана за плечами лишь начальная школа, и подходящих слов он подобрать не мог.

Осколки стакана еще не успели долететь до земли, как парень занес руку, чтобы запустить остатком стекляшки прямо в лицо жертве, но тут Янь Хан звонко свистнул.

Звук получился пронзительным. Помимо созерцания и бега, свист был, пожалуй, единственным, в чем Янь Хан был мастер.

Отец любил свистеть, и, чтобы найти себе партнера, он начал тренировать Янь Хана еще до школы. Они дуэтом свистели вслед проходящим девушкам, сидя на обочине.

Свист привлек внимание парней. Они остановились и уставились на него.

Янь Хан подошел, ничего не говоря, установил телефон на стопку кирпичей у дерева, направив камеру на место «событий», а затем натянул маску. За всё время стримов он никогда не показывал лица — нужно было хранить традиции.